

однако его административные способности были гораздо ниже научных. Не энергичный, деликатный и скромный, он не играл большой роли в академических делах и был поднят Веселовским, однако своей мягкостью и хорошими отношениями с товарищами Буняковский до некоторой степени смягчал деспотичное поведение неперменного секретаря.

25 апреля 1889 г. умер президент Академии наук гр. Д. А. Толстой, и его смерть повлекла за собой радикальные перемены в руководстве Академии. Впервые за 175 лет ее существования президент был намечен из числа великих князей. Выбор пал на 30-летнего вел. кн. Константина Константиновича, в 1887 г. избранного в почетные члены Академии. Константин Константинович имел репутацию либерального члена императорской фамилии и в глазах просвещенной части русского общества пользовался высоким авторитетом. С. Ю. Витте говорил, что он «в полном смысле «великий князь»¹⁴⁶. Новое назначение состоялось 3 мая 1889 г.

Президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович

Поэт К. Р.

Вел. кн. Константин Константинович (1858–1915)¹⁴⁷ был внуком Николая I и сыном вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892), который с первых лет царствования своего брата Александра II стал его ревностным сподвижником и принял самое близкое участие в обновлении России, заняв ключевые посты в Главном комитете по подготовке крестьянской реформы, Морском министерстве и Государственном совете. За свою энергию и настойчивость и одновременно пылкость и несдержанность его прозвали «паровиком». Эта меткая характеристика одновременно напоминала о том, что именно ему Россия была обязана заменой парусного флота паровым. Константин

¹⁴⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. (1894 — октябрь 1905). Царствование Николая II. М., 1960. С. 147.

¹⁴⁷ См. о нем: *Нелюбин Г. К. Р.* Критико-биографический этюд. СПб., 1902; Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэт К. Р. / Издание совета общекадетских объединений за рубежом под ред. А. А. Геринга. Париж, 1962; *Соболев В. С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993; *Великий князь Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993; *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995; *К. Р. Великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы и публикации подготовлены Э. Матониной. М., 1998; *К. Р.* Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999; *Вострышев М. И.* Августейшее семейство: Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М., 2001.

Николаевич был главой либералов, в обществе слыл «свирепым славянином», и его сторонников часто называли «константиновцами». Конец александровской эпохи привел к отстранению Константина Николаевича от всех должностей, и последние годы своей жизни он жил как частный человек.

Константин Николаевич был европейски образованным человеком, питал глубокое уважение к науке и покровительствовал ученым, будучи председателем Русского географического и Русского археологического обществ. Среди его знакомых было много известных писателей, ученых, музыкантов. Даже ведомственное издание «Морской сборник» превратилось при нем в один из самых известных журналов, где печатали свои произведения А. Н. Островский, Д. В. Григорович, В. И. Даль и И. А. Гончаров. В 1882 г., когда Константин Николаевич был уже не у дел и жил в Париже, академики обратились к нему с просьбой взять на себя руководство Академией наук, но он отказался от этого предложения, потому что не хотел быть ее заочным председателем¹⁴⁸.

Преданный морскому делу, отец готовил своих сыновей для службы на флоте, и Константин Константинович с детских лет ежегодно уходил в походы на судах учебной эскадры Морского училища, пройдя службу от матроса до гардемарина¹⁴⁹. Однако Константин Константинович не унаследовал от отца любви к морю, и в декабре 1882 г. он оставил флот и вступил в командование ротой в лейб-гвардии Измайловском полку («Государевой ротой»), где стал неременным участником Измайловских досугов — своеобразного литературно-просветительского клуба. В 1891 г. он был назначен командиром Преображенского полка. Большого роста, с русой бородкой и красивыми руками с длинными пальцами, покрытыми кольцами, Константин Константинович перед строем был очень элегантен и красиво сидел на лошади. Службу Константин Константинович любил, но знал ее весьма слабо. Его кузен вел. кн. Сергей Александрович за глаза посмеивался над ним: «Костя? Да какой же он военный! Он когда рапорт отдает, и то все перепутает»¹⁵⁰. В 1900 г. Константин Константинович стал главным начальником военно-учебных заведений, исколесил всю Россию в поездках по кадетским корпусам и своей заботой о юных воспитанниках заслужил репутацию «отца всех кадет». Константин Константинович внес

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119. Л. 33 об.

¹⁴⁹ В 1875–1877 гг. Константин Константинович совершил первое большое заграничное плавание на фрегате «Светлана», по возвращении из которого немедленно отбыл в действующую армию на Балканы, и за участие в боевых действиях был награжден Георгиевским крестом. В январе 1880 г. Константин Константинович уже командовал ротой Гвардейского Экипажа и с осени того же года служил вахтенным начальником на фрегате «Герцог Эдинбургский», который совершил двухлетнее кругосветное плавание.

¹⁵⁰ *Вострышев М. И.* Августейшее семейство. С. 121.

в кадетский быт солидарность и никогда не подписывал приговора об исключении даже тех кадет, которых отличали «тихие успехи и громкое поведение», потому что не хотел губить их будущее. В 1907 г. Константин Константинович был произведен в чин генерала от инфантерии и в 1910 г. стал генерал-инспектором военно-учебных заведений.

Разнообразна была и общественная деятельность Константина Константиновича. В 1889 г. он был избран почетным попечителем Педагогических курсов при С.-Петербургских женских гимназиях, которые в 1903 г. его стараниями были преобразованы в Женский педагогический институт. В первые годы Константин Константинович едва ли не каждую неделю бывал на курсах, а причина такого усердия была ребячески наивна: курсистки вели учет визитов великого князя, и чтобы угодить им, он старался бывать на курсах не меньше 50 раз в году. С 1892 г. Константин Константинович председательствовал в Русском археологическом обществе, где сменил умершего отца, и оставил о себе добрую память¹⁵¹.

От своего отца Константин Константинович не унаследовал политического таланта, хотя и мечтал совершить что-нибудь великое на государственном поприще. По его признанию, «духовное величие, сопряженное с внешним почетом», всегда имело для него обаяние¹⁵². В конце 1890-х гг. его шансы на участие в государственных делах были высоки, и даже ходили упорные слухи о его назначении то министром народного просвещения, то обер-прокурором Св. Синода. Однако ни одно из этих назначений не состоялось. Константин Константинович переживал, что им «не хотят пользоваться», но в глубине души сознавал, что у него другое предназначение.

Константин Константинович считал своим истинным призванием поэзию, и в историю русской культуры он вошел прежде всего как поэт, печатавший свои стихотворения под криптонимом «К. Р.»¹⁵³. Константин

¹⁵¹ Константин Константинович был также почетным членом Географического и Минералогического обществ, вице-председателем Музыкального общества (где председателем была его мать), председательствовал в комиссии по устройству Музея прикладных знаний в Москве (1892), в Русском обществе деятелей печатного слова (1900), был попечителем школ Русского технического общества (1893), состоял почетным членом многих учреждений (Русского Астрономического и Русского Исторического обществ, Русского общества содействия торговому пароходству, С.-Петербургского, Московского, Казанского и др. университетов). В 1902 г. он был избран почетным членом Стокгольмской Академии наук.

¹⁵² К. Р. *Великий князь Константин Романов*. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 148.

¹⁵³ В посвящении К. Р. А. Н. Майков написал:

«Эти милые две буквы,
Что два яркие огня,
В тьме осенней, в бездорожье,
Манят издали меня».

Константинович не мог подписываться полным именем, потому что занятия литературой, искусством для члена императорской фамилии могли быть только частным делом. В своем творчестве он следовал образцам «чистого искусства», боготворил А. А. Фета и преклонялся перед творчеством А. Н. Майкова и Я. П. Полонского. Начинаящий поэт К. Р. вступил с ними в переписку, почтительно прислушивался к их мнению и исправлял свои стихи по их замечаниям.

Свои первые стихотворения Константин Константинович послал на суд и И. А. Гончарову, который в детстве преподавал великому князю словесность¹⁵⁴, и получил от него довольно сдержанный отзыв: «Первые стыдливые звуки молодой лиры всегда трогательны, когда они искренни, т. е. когда пером водит не одно юношеское самолюбие, а просятся наружу сердце, душа, мысль. Такое трогательное впечатление производит букет стихотворений, записанных в книжке, при сем возвращаемой»¹⁵⁵. В глубине души К. Р. признавал, что его стихи — это одно любительство. «Ничего нового я в них не высказал, — признавался сам себе К. Р. в своем дневнике, — глубоких мыслей в них не найти и вряд ли скажу я когда-нибудь что-либо более значительное. Сам я себя считаю даровитым и многого жду от себя, но кажется, это только самолюбие и я сойду в могилу заурядным стихотворцем. Ради своего рождения и положения я пользуюсь известностью, вниманием, даже расположением к моей Музе. Но великие поэты редко бывают ценимы современниками. Я не великий поэт и никогда великим не буду, как мне этого ни хочется»¹⁵⁶.

Константин Константинович был одаренным музыкантом и иногда выступал с концертами. После одного из них А. Рубинштейн заметил, что «великие князья могут сделаться артистами, а последним никогда не попасть в великие князья»¹⁵⁷. Константин Константинович написал три романа на слова А. К. Толстого, А. Н. Майкова и В. Гюго, и сам иронизировал над своей слабостью к сочинительству: «К счастью русской музыки, я почти наверно могу сказать, что не буду больше удручать ее крупными сочинениями, а ограничусь писанием невинных песен. Опять же, к счастью нашей музыки, но к моему личному великому сожалению, я не имею ни

¹⁵⁴ Отечественную историю Константину Константиновичу преподавал С. М. Соловьев, политическую экономию В. П. Безобразов. С детства Константин Константинович говорил на немецком и французском языках, танцевал и музицировал. Его музыкальными наставниками были пианист, учитель П. И. Чайковского, Р. В. Кюндингер, музыкальный теоретик Г. А. Ларош и виолончелист И. И. Зейферт. Рисованию его обучал художник С. В. Никитин.

¹⁵⁵ Письмо И. А. Гончарова К. Р. Январь 1884 г. // К. Р. Избранная переписка. С. 89.

¹⁵⁶ Запись 13.08.1888 г. // К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 123.

¹⁵⁷ Запись 6. 03. 1889 г. // Там же. С. 146.

времени, ни случая посвятить себя настоящему изучению музыкальных законов. Мне бы хотелось писать (но на мою беду) „коротки руки“¹⁵⁸.

Константин Константинович дружил с П. И. Чайковским, который, зная о глубокой религиозности великого князя, подал ему мысль написать драматическое произведение на евангельский сюжет. Константин Константинович последовал этому совету и написал драму «Царь Иудейский» из земной жизни Иисуса Христа. Хотя сам Христос ни разу не появлялся на сцене, постановка драмы в театре была запрещена Синодом, и только по личному разрешению Николая II был сыгран любительский спектакль в Эрмитажном театре с Константином Константиновичем в роли Иосифа Аримафейского. Эта постановка наделала много шума, и Константину Константиновичу пришлось пережить немало тревог и волнений по поводу своего произведения¹⁵⁹.

Константину Константиновичу принадлежат переводы «Мессинской невесты» Шиллера, «Гамлета» Шекспира, «Ифигении в Тавриде» Гете. Свои переводы он снабжал обширными примечаниями, которые обнаруживали в их авторе серьезные познания в истории, истории литературы и театра. Работа над комментариями к «Гамлету» вылилась в фундаментальное двухтомное приложение к переводу — единственное в своем роде в русском шекспироведении. Константин Константинович сам воплотил на сцене образ Гамлета, обнаружив, по отзывам современников, несомненное актерское дарование. Исполнение этой роли он считал своим любимым и главным делом, перед которым все остальное бледнело¹⁶⁰.

Константин Константинович был поклонником всех видов искусства и составил описание художественных сокровищ принадлежавшего его роду Павловского дворца¹⁶¹. В Петербурге Константин Константинович унасле-

¹⁵⁸ К. Р. Избранная переписка. С. 33.

¹⁵⁹ А. Ф. Кони вспоминал, что ему пришлось слышать от одной дамы, супруги высокопоставленного чиновника, нападки на эту драму, причем она негодовала, что на сцене выведен Христос, Божия Матерь и апостолы. «На мои уверения, — пишет Кони, — что нет ничего подобного, я получил ответ: «Помилуйте, ведь мой муж был в Эрмитаже и сам это видел и возмущался». Пришлось снова подтвердить, что на сцене Христа нет и 11 Апостолов тоже нет. «Но почему же 11? — спросила меня недоумевающе, а не 12-ти?» И каюсь в том, сказал, что 12-й — Иуда — сидит среди публики»: Из выступления А. Ф. Кони // К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 454–455.

¹⁶⁰ Запись 18. 12. 1899 г. // Там же. С. 279.

¹⁶¹ Павловск. СПб., 1900–1902. Вып. 1–2. А. Бенуа скептически оценивал художественный вкус Константина Константиновича: «Понимал ли вообще что-нибудь „К. Р.“ в пластических искусствах, на это трудно ответить... Вспоминаю то, как тот же в. к. Константин, глядя на врубелевского „Демона“, воскликнул: „Будь я его отец, я бы выпорол этого художника“. Он смутился, когда я ему сообщил, что Врубель почитается за одного из самых выдающихся русских художников, а к тому же он вышел из того возраста, когда получают порку» (воспоминания относятся к 1893 г.): Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1999. Кн. 1–3. С. 692–693.

давал Мраморный дворец. По семейным преданиям, первый владелец дворца вел. кн. Константин Павлович в молодые годы баловался в большом коридоре стрельбой из пушки, а чтобы не убить свою жену, сажал ее в большую вазу¹⁶². Константин Константинович был более благоразумным семьянином, перед своей женитьбой он произвел во дворце ремонт. С большим вкусом он обставил свои собственные покои — скромную квартиру с отдельным входом, полностью отделанную деревом. Все здесь располагало к вдумчивому и неспешному чтению и литературным занятиям.

В приемном кабинете Константина Константиновича висела картина Куинджи «Ночь на Днепре», приобретенная им в юности у автора. Куинджи тогда не узнал в молодом офицере великого князя и отказал ему со словами: «Она не для Вас, молодой человек». Картину Константин Константинович все-таки приобрел и решил ее взять с собой в плавание. Куинджи, обеспокоенный ее судьбой, даже грозился возбудить судебный процесс, но все обошлось благополучно¹⁶³. Константин Константинович любил музицировать в готической гостиной, которую украшала статуя Давида, напоминая о первом опубликованном стихотворении К. Р. «Сладкопевец Давид». Рядом был рабочий кабинет, отсюда потайная дверь вела в крохотную молельню, где всегда теплилась лампада.

В одном из своих стихотворений Константин Константинович назвал себя «баловнем судьбы», имея в виду и свое происхождение, и одаренность, и положение в обществе. В 1884 г. он женился на немецкой принцессе Элизабет фон Саксен-Альтенбургской, которую в России стали называть по ее отцу Елизаветой Маврикиевной. Едва ли не единственным камнем преткновения в их счастливой семейной жизни было упорное нежелание Елизаветы Маврикиевны принять православие. Еще до замужества она начала усиленно заниматься русским языком, а благодаря помощи Константина Константиновича, который читал ей вслух русскую прозу и поэзию, диктовал тексты и проверял их, беседовал с ней по-русски, Елизавета Маврикиевна довольно бойко говорила по-русски. От этого брака родились дети: сыновья Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь, Георгий; дочери Татьяна и Вера. Вел. кн. Гавриил Константинович вспоминал, что отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, и хотел, чтобы первым языком его детей был русский. Поэтому и няня была русская, и все в доме было по-русски¹⁶⁴.

¹⁶² Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. С. 117.

¹⁶³ Там же. С. 9.

¹⁶⁴ Там же. С. 10.

Разнообразные художественные таланты Константина Константиновича сыграли, несомненно, решающую роль при его назначении на должность президента императорской Академии наук, освободившуюся после смерти Толстого. В отличие от своего отца, который в свое время отказался от руководства Академией наук, Константин Константинович сразу же согласился возглавить главное научное учреждение страны. Новое назначение очень польстило самолюбию великого князя; он чувствовал себя героем дня и не мог опомниться от выпавшей на его долю чести¹⁶⁵.

9 марта Константин Константинович пригласил академиков к себе в Мраморный дворец и приветствовал их словами: «Назначение меня президентом ставит меня в столь близкие отношения к вам, труженикам и представителям русской науки. Но я надеюсь, что вы будете снисходительными к моей некомпетентности. Не имея ни ваших познаний, ни заслуг, я не могу принести Академии ничего, кроме моего горячего рвения, неустанного усердия и искренней душевной любви. Нужды императорской Академии наук и ее члены будут отныне самой первой моей заботой»¹⁶⁶.

Одной из главных проблем Академии наук была скудость ее материальных средств. Правительство, желая поддержать нового президента, шло навстречу интересам Академии наук и удовлетворяло ее просьбы об увеличении финансирования.

Благодаря ходатайствам Константина Константиновича в 1894 г. вступило в действие новое штатное расписание для конференции (т. е. личного состава) и сотрудников канцелярии Академии. С 1 января 1894 г. число академиков и адъюнктов увеличивалось до 46 человек (теперь в состав I отделения входили 17 ординарных академиков и 4 экстраординарных академика и адъюнктов; в состав II отделения — 7 ординарных академиков; в состав III отделения — 8 ординарных академиков и 5 экстраординарных академиков и адъюнктов), и возросло их жалование. Члены ОРЯС были уравнены в правах с членами двух других отделений. В соответствии с новым штатным расписанием ординарный академик был отнесен к IV классу (до 1894 г. — к V) и его ежегодное жалование составляло 4200 руб., экстраординарный академик и адъюнкт — к VI классу с жалованием 3000 руб. Вице-президент принадлежал к III классу и получал за исполнение своих обязанностей дополнительно 1500 руб., а непременный секретарь — 1200 руб. в год. В отношении пенсий и единовременных пособий академики были наконец уравнены в правах с профессорами университетов¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Кузьмина Л. И. Августейший поэт. К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. С. 105.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

¹⁶⁷ ПСЗ. Собр. третье. Т. 13. № 9717. Приложения. I. Штаты и табели. С. 183–186; Сб. пост. по ММП. СПб., 1896. Т. 12. № 264. 1 июня 1893 г.

В период с 1895 по 1899 гг. были введены новые штаты академических музеев Зоологического, Этнографического, Геологического, Ботанического, Азиатского, и в 1902 г. штат Севастопольской Биологической станции. Академия наук постоянно получала и крупные единовременные и специальные ассигнования на ученые предприятия и издания. За 1890 — начало 1900-х гг. эти ассигнования составили более чем 1 млн руб. Благодаря ходатайствам Константина Константиновича специальные средства были отпущены на проведение Шпицбергенской и Полярной экспедиций, на издание журнала «Византийский временник», на учреждение Пушкинского фонда. К специальным средствам относились и ассигнования на переоборудование нового помещения и внутреннее устройство Зоологического музея, учреждение Постоянной центральной сейсмической комиссии и установление фонда нуждающимся ученым и литераторам.

В. С. Соболев, посвятивший монографию деятельности Константина Константиновича как президента Императорской Академии наук, хотя и оговаривается, что «было бы неверным связывать позитивные тенденции, которые начали все более четко проявляться в деятельности Академии наук с начала 1890-х годов, только с приходом в ее стены Константина Константиновича»¹⁶⁸, на деле приписывает ему личное активное участие едва ли не во всех академических делах¹⁶⁹. Совершенно очевидно, что Константину Константиновичу докладывали обо всех важных событиях жизни Академии, и он своей подписью поддерживал ее начинания и усердно «выбивал» для нее деньги. Соглашаясь с Соболевым в том, что роль Константина Константиновича в академической жизни (особенно в 1888–1900 гг.) была значительной, попытаемся оценить его личный вклад в развитие Академии наук. На наш взгляд, главным предметом его забот в первое десятилетие академической деятельности (помимо финансирования) было обновление личного состава Академии наук и преобразование ОРЯС.

«Обрусение» Императорской Академии наук

Свое главное предназначение как президента Академии наук Константин Константинович видел в том, чтобы поднять ее престиж в глазах общества, «снискать для Академии доверие и уважение публики»¹⁷⁰. Когда

¹⁶⁸ Соболев В. С. Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. С. 27.

¹⁶⁹ Ограничусь одним примером: Соболев преувеличивает роль Константина Константиновича в создании Русского археологического института в Константинополе (с. 20–22): если он и имел к этому отношение, то только косвенное, настоящими творцами института были А. И. Нелидов, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков А. И. Кирпичников, Т. И. Филиппов.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 154. Запись 22. 12. 1889.